

Они сидели друг напротив друга на ржавых офисных стульях, изъеденных временем. Между ними стоял низкий металлический столик, на котором остывал чай. Воздух пах сыростью подвала, плесенью и навязчивым ароматом жасмина из термоса Пан Юэбая — этот запах казался здесь насмешкой над реальностью. Переговоры начались под тихую, навязчивую мелодию из старого динамика, висевшего где-то под потолком.

Пан Юэбай достал из внутреннего кармана помятую фотографию. Бумага пожелтела от времени. Он положил её на стол рядом с пятном от пролитого чая и провёл пальцем по краю снимка, стряхивая невидимую пыль.

— Помнишь? — он улыбнулся уголками губ, но взгляд оставался холодным и цепким. — Ты тогда выиграл матч. Я принёс тебе воды, ты был так счастлив... сгрёб меня в охапку. Я хранил это фото все эти годы.

Лу Тинфэн даже не взглянул на снимок; его пальцы впились в холодный металл стула так сильно, что костяшки побелели.

— И что ты хочешь этим сказать? Что ты меня любишь? — голос прозвучал глухо, с ноткой брезгливости. — Послушай, Пан Юэбай. В тебе с рождения сидит ген эгоизма. Я видел, как тебя шпыняют другие... по глупости решил помочь. Считал тебя другом. А ты? Ты заманил меня и брата в ловушку. Нас избивали, мучили... Мы чудом выжили. Я не стал искать тебя для мести. А ты приходишь и говоришь о «ностальгии»? О какой к чёрту ностальгии ты говоришь?

— Я знаю, что вы с братом не можете забыть меня именно поэтому, — спокойно парировал Пан Юэбай, не меняясь в лице. — Но у меня не было выбора. Моя мать умерла — её забили до смерти у меня на глазах. Отец смотрел с равнодушием... не дал ни копейки выкупа. Если бы я не поступил так, я бы сам не выжил.

— И поэтому ты решил утянуть нас за собой на дно? Поэтому ты считаешь, что можешь теперь скулить и просить прощения? — Лу Тинфэн брезгливо поморщился, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота. — Я презираю таких людей, как ты.

— Да, вы же благородные господа из высшего общества... Вам не понять таких, как мы, — Пан Юэбай горько усмехнулся.

— Твоё несчастье не даёт тебе права превращать других в скот, — отрезал Лу Тинфэн. — Ты не жертва, Пан Юэбай. Ты просто трус, который прячется за ржавым механизмом.

Пан Юэбай залпом осушил чашку чая. Горький вкус разлился во рту, напоминая о тех одиннадцати годах боли и унижений. Он поставил чашку на стол, и фарфор глухо стукнул о металл.

— Я пришёл один, как ты просил, — голос Лу Тинфэна стал жёстким, как металл под его пальцами. В груди ледяной рукой сжал страх: жив ли Хэ Ян? Не дрожит ли он там от ужаса? —

Где он?

Пан Юэбай едва заметно кивнул охраннику у стены. Тот нажал кнопку на распределительном щите. Раздался тихий гул механизма и скрип натягивающегося троса за окном. Фигура Хэ Яна медленно опустилась вниз и замерла прямо напротив окна.

Лу Тинфэн вздрогнул и впился взглядом в силуэт за грязным стеклом: во рту Хэ Яна был кляп из грязной тряпки, говорить он не мог. Он увидел Лу Тинфэна и лишь слабо качнул головой — то ли запрещая ему что-то делать, то ли просто пытаясь успокоить перед неизбежным.

— Что я должен сделать? — хрипло спросил Лу Тинфэн. В голове билась только одна мысль: «Лишь бы он был жив».

— Не дёргайся так, — лениво протянул Пан Юэбай, откидываясь на спинку стула, пружины жалобно скрипнули под его весом. — Всего лишь четвёртый этаж... Даже если сорвётся — максимум сломает пару ног.

— Говори прямо! Что тебе нужно?! — рявкнул Лу Тинфэн, терпение лопнуло с сухим треском.

Пан Юэбай молча швырнул через стол короткий нож с хищно поблёскивающим лезвием. Клинок скользнул по металлической поверхности, выбивая искры из ржавчины, и замер, уставившись острым концом в живот Лу Тинфэна. Пан Юэбай толкнул его двумя пальцами, словно предлагал десерт.

— Для начала воткни его себе в бедро. Два раза. А потом я скажу тебе следующий шаг.

Хэ Ян за грязным стеклом забился в путах; его глаза, огромные на бледном лице, горели отчаянием. Он не просто качал головой — он всем телом рвался к окну, забыв о высоте, лишь бы остановить этот безумный торг. Из горла вырвался глухой стон: «Нет! Не смей!».

Решение пришло раньше разума: если это спасёт его — плевать на боль. Лу Тинфэн схватил нож. Холодная сталь обожгла ладонь. Он с размаху всадил клинок в правое бедро — металл заскрежетал о кость, разрывая плоть и ткань. Боль была не просто ослепляющей — она взорвалась внутри черепа белой вспышкой, выбивая воздух из лёгких. Он не стал ждать, пока тело осознает агонию, и тут же ударил во второй раз.

Ноги подкосились сами собой; он рухнул на бетонный пол, упираясь окровавленной ладонью в крошащуюся поверхность. Кровь хлынула ручьём по ткани брюк, собираясь в тёмную лужу у его ног. Он поднял взгляд — в глазах плескалась лютая ненависть пополам с мутой боли.

— Отлично... — Пан Юэбай медленно поднялся со стула. Тот качнулся с противным скрипом ржавых ножек. Он присел на корточки напротив поверженного врага так близко, что Лу Тинфэн чувствовал запах его парфюма поверх вони крови и сырости. — А теперь поцелуй меня.

Лу Тинфэн замер. Ему показалось, что он ослышался сквозь шум крови в ушах.

— Поцелуй меня, — повторил мучитель без тени эмоций, взгляд был пустым и страшным. Пан Юэбай аккуратно расправил складку на своей идеально чистой школьной форме, словно примерный ученик, только что ответивший урок на «отлично».

Глаза Лу Тинфэна, красные от лопнувших сосудов, расширились ещё сильнее. Губы задрожали, но тело словно окаменело от омерзения и шока.

— Знаешь... — голос Пан Юэбая вдруг стал тише, в нём прорезались нотки безумия и старой обиды, будто он говорил сам с собой. — Я ведь когда-то любил тебя. Любил так сильно, что хотел признаться сотни раз... но боялся спугнуть. Но после того случая я всё понял: тебе плевать. Это было моё самообольщение. Я твердил себе: забудь... но тело помнит боль. А ненависть требует выхода.

Он замолчал на секунду, глядя Лу Тинфэну прямо в душу.

— И когда я узнал, что ты влюбился в мужчину... это стало последней каплей.

— Ты отвратителен, — процедил Лу Тинфэн сквозь стиснутые зубы.

— Правда? — равнодушно спросил Пан Юэбай.

В ту же секунду охранник снова нажал на кнопку. Хэ Ян стремительно полетел вниз.

— Не-е-ет!..

Лу Тинфэна парализовало ужасом, волосы на затылке встали дыбом. Время замедлилось: «Нет... Нет... Нет...» — пульсировало в висках. Тело действовало само, рванувшись вперёд в отчаянной попытке поймать падающее тело. Это длилось мгновение — слишком быстро для человеческой реакции.

— Испугался? — тихо спросил Пан Юэбай, наблюдая за агонией в глазах врага с холодным удовлетворением коллекционера.

Лу Тинфэн хватал воздух ртом, как выброшенная на берег рыба; глаза налились кровью, по щекам катились слёзы бессилия и ярости. Он не мог поверить: ещё секунду назад Хэ Ян был здесь... а теперь...

И вдруг дверь распахнулась. В комнату втолкнули Хэ Яна — целого и невредимого. Его просто грубо притащили и поставили рядом с мучителем.

Тело Лу Тинфэна обмякло от облегчения, радость вспыхнула в глазах ярче боли. Жив... слава богу... жив.

Пан Юэбай сорвал кляп с лица пленника и силой развернул его голову так, чтобы он видел жалкое состояние своего мужа. Лу Тинфэн так и остался на коленях в расползающемся пятне крови, не в силах подняться. Его лицо было мертвенно-бледным.

Взгляд Хэ Яна упал на окровавленное бедро Тинфэна, на нож, валяющийся рядом. Его зрачки расширились, губы беззвучно задрожали. Он хотел броситься к нему, но железная хватка охранника удержала его на месте. Хэ Ян лишь снова слабо покачал головой — во взгляде читался немой укор: «Зачем ты это сделал?».

— Хэ Ян, — задумчиво произнёс Пан Юэбай, — твой мужчина любит тебя сильнее, чем я думал. Но знаешь... ты ведь не знаешь всех интересных подробностей той истории десятилетней давности? Хочешь послушать?

— Господин Пан, — голос Хэ Яна был тихим, но твёрдым, — почему вы впутали меня в ваши разборки? У меня нет с вами счетов.

Он помнил только то, как вышел из торгового центра, сделал пару шагов... а потом удар по затылку и темнота. Очнулся Хэ Ян уже здесь, в этом аду, узнав в похитителе того самого Пан Юэбая из прошлого Лу Тинфэна.

<http://bllate.org/book/16098/1604849>